

«Все катафалки совершенно испорчены»: похоронный кризис 1918–1922 годов в Витебске и его конфессиональная специфика

Сергей Владимирович Грунтов

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ORCID ID: 0000-0001-5316-1180

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси

220072, Беларусь, Минск, ул. Сурганова 1/2, каб. 610

E-mail: szereszew@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.14

Аннотация: Похоронный кризис первых лет советской власти достаточно хорошо описан в современной историографии, однако работ о том, как он развивался в Беларуси, до настоящего времени не опубликовано. В статье прослеживается, как кризисная ситуация разворачивалась в Витебске в 1918–1922 гг. Выделены причины, приведшие к кризису, основные формы и проявления, а также последствия для развития советской похоронной инфраструктуры. Сопоставление с материалами исследований других городов советского государства позволяет предположить, что пример Витебска является репрезентативным для всех крупных городов советской Беларуси. Материалом для написания статьи послужили прежде всего документы, хранящиеся в Государственном архиве Витебской области. Статья является важным дополнением к нашим знаниям о формировании раннесоветских мемориальных практик в 1920-е гг. в Беларуси. Отдельно рассмотрена конфессиональная специфика кризиса, преимущественно при сравнении ситуации на православных и еврейских некрополях города. Проанализированы действия, позволившие выйти из кризиса в 1922–1923 гг. и его негативные последствия для похоронного дела и развития городских кладбищ в Витебске в последующие десятилетия.

Ключевые слова: *еврейское кладбище, христианское кладбище, похороны, мемориал, катафалк, кризис, Витебск*

Ссылка для цитирования: Грунтов С. В. «Все катафалки совершенно испорчены»: похоронный кризис 1918–1922 годов в Витебске и его конфессиональная специфика // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2025: «Время перемен» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 267–286. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.14

Столетие назад жители белорусских городов и деревень пережили один из сильнейших социальных кризисов в своей истории, который был вызван последствиями Первой мировой войны, эвакуацией мирного населения, радикальными преобразованиями после Октябрьской революции и Гражданской войны на территориях бывшей Российской Империи. Эта эпоха прошла под знаком катастрофического разлада практически всех сторон жизни, который неизбежно коснулся и тех ее частей, которые до этого казались незыблемыми.

К их числу можно отнести похоронные и поминальные практики, которые в значительной степени определялись традицией и народными верованиями [Аўсейчык 2016; Пахаванні 1986]. Но и здесь в начале XX в. модернизационные процессы оказывали свое влияние, что, в частности, проявлялось в заимствовании мемориальных форм: мещане и крестьяне всё чаще ставили памятники, схожие с надгробиями представителей социальных элит [Грунтов 2019].

Во второй половине XIX – начале XX в. в городах Российской империи начинается процесс профессионализации похоронного дела, появляются соответствующие специалисты – профессиональные плотники, могильщики, камнерезы и скульпторы [Мохов 2018, 118–125, 205–212].

Война 1914–1918 гг. нанесла первый удар по этой отлаженной системе. Оказавшись в эвакуации, люди не могли, как прежде, помянуть своих близких, посещая их захоронения, а новых умерших приходилось хоронить на чужбине и оставлять их прах там, возвращаясь домой. Массовая гибель на фронтах профанировала смерть, лишала ее индивидуальности. В меньшей мере это коснулось гражданского населения, но осознание десакрализации смерти стало общим опытом для нескольких поколений. Изменения затронули сами ментальные структуры, определявшие жизнь многих поколений жителей региона [Белова 2024].

Основной удар по похоронной сфере нанесли реформы большевиков, а последствия Первой мировой и Гражданской войн только усилили этот эффект. Благодаря вышедшим в последние годы монографиям Анны Соколовой и Светланы Малышевой мы довольно хорошо знаем, как развивался похоронный кризис в России, в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге [Малышева 2019; Соколова 2022]. В то же время публикации о его наличии в белорусских городах отсутствуют. Пролить свет на этот вопрос позволяют документы Государственного архива Витебской области (ГАВО). Они в основном относятся к 1921 г. и представляют переписку коммунальных организаций Витебска и области об администрировании похоронного дела в городе. Обращаясь к витебской ситуации, мы, насколько это возможно, постараемся проследить профессиональную специфику похоронного кризиса в городе, рассмотреть в деталях, насколько уязвимы или способны к адаптации оказались представители различных конфессий в этой ситуации. Эта перспектива тем более важна, что на материале других городов советского государства в существующей историографии она не рассматривалась.

Общая картина, которая реконструируется при изучении архивных документов и других источников, преимущественно совпадает с той, которую мы имеем в отношении российских городов, хотя можно предполагать, что масштаб кризиса был соизмерим с размерами города, в котором он разворачивался [Соколова 2022, 279–327]. Указанное соответствие позволяет предполагать, что пример Витебска является в основных чертах релевантным ситуации в других белорусских городах, где установилась советская власть, – об этом же говорят и спорадические свидетельства из них. Если это так, то рассмотрение ситуации в Витебске выходит далеко за границы только локальной истории: это возможность через проблемы одного города увидеть ситуацию в советских белорусских городах в целом (даже учитывая тот факт, что в рассматриваемый период часть их находилась в составе БССР, а другая – в РСФСР).

Реформа похоронного дела в 1918 г. Логическим продолжением советской политики национализации имущества и секуляризации стал подписанный 7 декабря 1918 г. декрет Совнаркома «О кладбищах и похоронах» [Декрет 1942]. В его первых параграфах постановлялось, что «все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан поступают в ведение местных Сов-

депов» и «для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны» [Декрет 1942, 1275]. Этим декретом фактически национализировалась вся похоронная инфраструктура и в большинстве случаев все основные расходы, связанные с похоронами, как и саму их организацию, брало на себя государство.

Инструкция ЦИК местным советам депутатов, в том числе витебскому, о том, как исполнять этот декрет, была разослана только 22 января 1919 г. Согласно ей, похороны организовывались следующим образом:

6. В порядке административного предписания местные Совдепы обязуют родственников умерших, домовые комитеты или управления, административные и прочие учреждения, где произошла смерть, сообщить о каждом случае смерти и (в) похоронный отдел и в отдел записи гражданских актов не позднее второго дня, при чем заявления должны быть подтверждены домовым комитетом, квартирными управлениями, милицией или учреждениями, где произошла смерть.

7. Получив заявления о смерти, Похоронный Отдел назначает место и время погребения, отводит место на кладбище, приготовляет могилу, доставляет гроб, доставляет тело и хоронит. <...>

8. До момента похорон управлению кладбища должна быть доставлена копия акта о смерти от местного отдела записей актов гражданского состояния. Похороны должны быть проведены в 48 час. с момента получения похоронным отделом сообщения о смерти, а в предусмотренных санитарными правилами случаях, раньше¹.

Следует отметить, что при этом похороны по религиозному обряду не запрещались:

Похоронные религиозные обряды в храме и на кладбищах могут совершаться по желанию родственников и близких умершего за их собственный счет².

¹ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 1. В цитатах из архивных источников здесь и далее сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

² ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Основной целью реформы было именно установление финансовой власти государства над похоронным сектором и лишение церкви и предпринимателей доходов, которые они получали, оказывая соответствующие услуги. Также и кладбища продолжали сохранять свой конфессиональный характер, хотя очень быстро православные места погребения стали восприниматься как общегражданские – тут хоронили и без религиозного обряда, а над могилами стали появляться первые памятники с советскими звездами. В то же время в абсолютном большинстве случаев другие кладбища продолжали сохранять свой конфессиональный или этноконфессиональный характер.

Реформа похоронного дела в 1918 г. имела радикальный характер, и попытка ее осуществления привела к заметной дисфункции похоронного дела. Собственно, будущие проблемы были заложены уже в самом декрете и инструкциях по его выполнению. Контроль над похоронной сферой через систему справок и разрешений привел к ее резкой бюрократизации, которая при неотлаженном механизме работы и взаимодействия органов власти и коммунального хозяйства приводила к замедлению процесса похорон, становилась почвой для злоупотреблений, взяточничества и тому подобных явлений.

Государство национализировало и декоммерциализировало похоронную сферу, но в кризисной ситуации не имело достаточно денег и материальных средств, чтобы содержать ее в надлежащем состоянии и обеспечивать отлаженную работу. Вместе с ростом эпидемических заболеваний, сложностями жизни в прифронтовом городе и другими негативными явлениями, это стало причиной развития похоронного кризиса в Витебске в 1918–1922 гг. Основные его проявления мы подробно рассмотрим ниже.

Упадок похоронной инфраструктуры. Национализация похоронной инфраструктуры в 1918 г. отдала ее в руки новых владельцев, но, лишенная притока частных средств и плохо финансируемая властями, она быстро начала приходить в упадок.

Когда в январе 1921 г. отдел благоустройства г. Витебска стал составлять акт приемки под свое управление городских кладбищ, то оказалось, что большинство их находится в бедственном положении. Например, на Богослободском кладбище было выявлено следующее:

...караулка для сторожа 3 на 3 саж., крыша прогнила и протекает, пол прогнил, зимних рам нет, страшный холод, необходим ремонт. Нет колодца и клозета для сторожа, необходимо устроить. Из инвентаря имеется 2 жел. лопаты и старая негодная тесьма для опускания гроба в могилу³.

Кроме того, кладбище было таким большим, что один сторож, даже если бы и хотел, не смог бы его охранять. Даже на тех кладбищах, где были сторожа и жилье для них, всё равно фиксировались грабежи.

Для перевозки покойников на кладбища в Витебске, как и в других больших городах, использовались катаfalки, довольно помпезные и богато декорированные, как мы можем судить по сохранившимся фотографиям. Но к 1921 г. они все вышли из употребления, потому что надлежащим образом не ремонтировались. В апреле этого года Губернский коммунальный отдел писал в Комитет по борьбе с безработицей:

Губкоммуноотдел просит в срочном порядке в Ваших мастерских отремонтировать пять катаfalок для перевозки покойников, так как в настоящее время все катаfalки совершенно испорчены и не на чем перевозить трупы умерших на кладбища для погребения, что в санитарном отношении невозможно допустить⁴.

В 1920-е гг. катаfalки будут отремонтированы, чтобы на короткое время вернуться в использование, но после они целиком исчезнут из похоронного дела в БССР, а для перевозки покойников во время похорон станут использовать неспециализированные грузовые машины и автобусы.

Главной же причиной упадка похоронной инфраструктуры было ее недофинансирование. Сложившаяся диспропорция освещена, в частности, в докладной записке заведующего отдела благоустройства М. А. Бондаря в губернский коммунальный отдел 20 января 1921 г. по поводу состояния проблемы на еврейских кладбищах города:

³ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

⁴ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.

Принимая во внимание, что в среднем в месяц в городе умирает лиц иудейского исповедания 150 человек разных возрастов, за погребение которых по существующей таксе взимается приблизительно до 150.000 руб., а содержание персонала похоронного стола, расходы по погребению (доски на устилку могил, содержание кладбищ, прокорм двух лошадей, отопление) и проч. не считая ремонта кладбищ, карет и проч. непредвиденных расходов обходятся приблизительно 485.000 руб. в месяц, т. е. расход превышает доход на 335.000 руб. в месяц или 240%. О чем доношу для зависящих распоряжений⁵.

Разграбление кладбищ. Настоящей бедой похоронной сферы в послереволюционный период стало хищение оград и памятников с могил. Сторожа, если они были, не могли контролировать ситуацию, а в некоторых случаях, видимо, и сами участвовали в кражах. Особенно проблемным фактором было размещение в городе войск, не подчинявшихся гражданской администрации. Красноармейцы, за отсутствием дров зимой, регулярно забирали ограды и иногда кресты для топки печей. Вот один характерный документ того времени.

Срочно. Коменданту гор. Витебска. 18.1.21.

Красноармейцами, живущими по 3-ему Елагскому пер. в доме №74 расхищается забор на городском «Семеновском» кладбище, кроме того этими же красноармейцами сегодня избит сторож кладбища, препятствовавший расхищению забора, а потому Губкоммунотдел на основании постановления горревкома от 32 ноября 1920 года просит принять самые срочные меры против расхищения заборов красноармейцами, а в данном случае виновных наказать.

Председатель Губкоммунотдела⁶.

В июне 1921 г. Губкоммунотдел запрашивал у витгубвоенкома 50 патронов для винтовок сторожей, которые без оружия не могли справиться с продолжавшимся разграблением кладбищ. В то же время угроза для кладбищ была и в самих сторожах. Председатель

⁵ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

⁶ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

Губкоммунотдела писал 26 мая 1921 г. в НКВД по Витебской губернии, что он получил

достоверные сведения, что в последнее время пропажа с кладбищ памятников, в особенности железных, а также расхищение скамеек и оград на топливо, нередко даже самими кладбищенскими сторожами, приняли систематический характер и сделались обычным явлением. Это обстоятельство указывает на халатное отношение заведывающих к порученному их надзору делу и в дальнейшем такое положение вещей терпимо не будет, ибо оно преступно и ни в коем случае недопустимо с точки зрения благоустройства⁷.

При составлении упомянутого выше акта передачи витебского кладбища в 1921 г. выяснилось, что из 16 обследованных кладбищ на 11 ограда была частично расхищена на дрова.

Выпас скота на кладбищах. Разрушение кладбищ происходило не только намеренно. Еще с конца XVIII в., когда места захоронений были централизованно вынесены за границы городов, ограждение их стало обязательным – с помощью обваловки, постройки деревянных или каменных оград [Грунтов 2016]. Кража оград в рассматриваемый период, вместе с отсутствием постоянных сторожей на многих кладбищах, привели к тому, что тут стали пасти мелкий скот, в первую очередь коз. Например, хозяйственный подотдел Витебского коммунального отдела жаловался в милицию:

Настоящим Земельно-Аграрное Отделение Губкоммунотдела сообщает, что 13 сего апреля (1921 г.) на Никольском кладбище, по набережной Витьбы, были пойманы 13 коз, которые испортили более 20 деревьев, за что, по постановлению Губисполкома за №58 от 5-го апреля с.г. хозяева этих коз должны быть в первый раз оштрафованы в сумме 50.000 руб. за каждую голову⁸.

Хозяева коз были найдены, штрафы выписаны, но затем виновных на первый раз освободили от их выплаты⁹.

⁷ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 74.

⁸ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.

⁹ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 118.

Дефицит материалов. Даже оставшаяся похоронная инфраструктура не могла нормально функционировать в ситуации тотального дефицита материалов. Самый обычный временный надгробный памятник в такой ситуации мог оказаться вещью неочевидной и необязательной. Но это в свою очередь создавало проблему регистрации мест захоронения и поиска новых могил. То, что всегда было нормой для похоронного обряда, теперь требовало отдельного распоряжения властей. Эта проблема рассматривалась во время заседания похоронного стола Земельно-Агрономического отделения Губкоммунотдела 3 апреля 1921 г. Было принято постановление про необходимость

ставить над могилами погребаемых надгробные знаки из досок или жердей с надписью на них фамилии, имени и отчества и времени смерти погребенного, причем образцы знаков разрешить произвольные, в зависимости от вероисповедания покойного. На надгробные знаки разрешить расходовать строительного материала не более одного погонного сажена. Вменить под своей личной ответственностью сторожам в обязанность строго соблюдать это постановление¹⁰.

Дефицит материалов приводил к самым неожиданным последствиям, например, к невозможности нормального обмывания покойников. Тяжелой зимой 1920/1921 гг. заведующий отделом благоустройства писал в Губкоммунотдел, что

в виду того, что до сего времени отделением снабжения не доставлены дрова на городское еврейское кладбище 4-го района, что по Городскому шоссе, в настоящее время невозможно производить погребения, так как при обмывании покойников примерзают к доске волосы и кожа последних, кроме того рабочие, работающие на кладбище в течение 8 и более часов в день под открытым небом, не имеют возможности обогреться, а потому отделение благоустройства просит предписать Отд. снабжения о доставке дров в самом спешном порядке на кладбище¹¹.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 42.

¹¹ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

Своего апогея кризис достиг под конец 1921 г. Сезонный рост смертности в осенне-зимний период, эпидемические заболевания, смерть беженцев повысили нагрузку на похоронную инфраструктуру до такой степени, что пришлось принять решение проводить похороны беженцев и поступивших из больничных моргов, которые не имели рядом близких, без саванов и гробов. Но это привело к пугающим последствиям, которые сохранила служебная записка от Похоронного отдела Губкоммунотдела за 21 ноября 1921 г.

На основании п. 7 Инструкции о порядке осуществления декрета Совнаркома о похоронах и кладбищах от 7/XII–1919 года Губкоммунотдел обязан, по получении заявления о смерти, отводить место на кладбище, готовить могилу, доставлять гроб и проч. Между тем в настоящее время за недостатком материалов сделано распоряжение покойников, принимаемых из больниц и числа беженцев хоронить без гробов. Этот порядок П/отдел Благоустройства в особенности в зимний сезон находит неудобным, ибо при засыпке покойников мерзлой землей у них разбиваются черепа, животы и т.п. Поэтому П/отдел просит Ваших письменных указаний по затронутому вопросу¹².

Прошло три недели и Губкоммунотдел нашел компромиссный вариант экономных похорон в ответ на запрос, приведенный выше.

При невозможности хоронить таких покойников в гробах, хоронить их без гробов, прикрывая сверху досками так же, как хоронят евреев¹³.

Бюрократизация. Проблемы с функционированием похоронной инфраструктуры возникали и просто на пустом месте из-за неудачной организации системы документооборота. Заведующий похоронным отделом в марте 1921 г. писал в уездную больницу:

...ввиду того, что посылаемые извещения почтой о погребении умерших всегда запаздывают, поэтому похороны не могут быть выполнены своевременно. Земельно-Агроно-

¹² ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 189.

¹³ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 189.

мический П/отдел Губкоммунотдела просит присылать от-
ношения нарочно с курьером в тот же день, в крайнем слу-
чае на следующий, так как с наступлением теплого времени
запаздывания в погребении недопустимо¹⁴.

В сложной системе управления, которая быстро была создана
после установления советской власти, похоронная инфраструкту-
ра стала (впервые) частью городского коммунального хозяйства,
которая имела дотационный характер и финансировалась по оста-
точному принципу. Похоронное дело по статусу было приравнено
к работе ассенизаторов, так что нередко в архивных делах доку-
менты похоронного отдела и ассенизационного обоза идут впере-
мешку¹⁵.

Проект радикальной реформы. Комиссия по приемке клад-
бищ, которая работала в январе 1921 г., не только зафиксировала
запущенное и разграбленное состояние многих витебских клад-
бищ, но в своем докладе выступила с предложением об их ради-
кальной реформе.

Почти все кладбища, особенно расположенные в городе,
переполнены и покойники хоронятся или один на другом в
несколько этажей, или выкапываются кости одного и на его
место кладется прах другого. Такое положение по мнению
комиссии дольше терпимо не должно быть; необходимо все
кладбища в самом городе закрыть, превратить их в сады,
обеспечив правильный надзор и обсадив деревьями те из
них, которые не обсажены, хотя нужно сказать, что почти
все христианские кладбища имеют хорошую зелень и только
еврейские лишены таковой; таким путем будет значительно
оздоровлен город, ибо кладбища, если прекратить хоронить
на них покойников, заменят собою скверы, которых в Витеб-
ске очень мало. Для всего города нужно устроить за городом
не более 2-х или 3-х больших кладбищ размером до 10–15
десятин каждое <...> Кладбища эти нужно сразу правильно
спланировать: обязательно устроить для них сразу же кре-
матории для сжигания трупов, ибо нужно надеяться, что и в
настоящее время найдется не мало людей без предрассудков,

¹⁴ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 36.

¹⁵ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 279.

которые согласятся вместо погребения в земле прибегать к этому совершенствованному способу обезвреживания трупов путем сжигания их и оставления на память о своих близких горсточка пепла, кладбища эти нужно обнести заборами, или окружить глубокими ямами и обсадить лиственной и хвойною зеленью¹⁶.

Этим предложением коммунальный отдел фактически расписывался в своей беспомощности и невозможности наладить нормальное функционирование полученной похоронной инфраструктуры. Надо вместе с тем отметить, что указанные проблемы, в первую очередь «перенаселенность» кладбищ, появилась задолго до Октябрьской революции и стояли (и продолжают сохраняться) перед большинством крупных городов в мире. Что не отменяет того факта, что витебский похоронный отдел в 1921 г. лучшим способом управления доверенными ему кладбищами посчитал их уничтожение.

Обращает на себя внимание и наличие в проекте идеи постройки крематория. В кризисное время, в ситуации, когда сложно было найти древесину для изготовления гробов и крестов, постройка такого технически сложного и дорогого объекта, как крематорий (которого в Витебске нет до сих пор), была чистой утопией. Эта утопия вместе с тем выростала из духа времени и широко развернутой в ту эпоху пропаганды кремации. Вспомним уже цитировавшееся первое положение декрета «О кладбищах и похоронах» 1918 г., где декларировалось, что «все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан поступают в ведение местных Совдепов» [Декрет 1942]. При том что в Советском государстве на момент подписания декрета не существовало ни одного крематория, поскольку их возведение в Российской империи не было разрешено, а первый крематорий будет открыт в Москве только в 1927 г. [Соколова 2022, 195–278].

Ни одно из предложений комиссии не было реализовано в 1921 г. в первую очередь из-за отсутствия средств на это. Но старые витебские кладбища начали уничтожать для разных нужд уже в 1920-е гг. Так, в 1929 г. в связи с расширением железнодорожного узла началась ликвидация Михайловского кладбища. Заявления на

¹⁶ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 241. Л. 81.

перезахоронение своих родных подали 293 человека, но понятно, что большая часть захоронений была просто уничтожена¹⁷.

Выход из кризиса? Куда проще найти начало похоронного кризиса, чем сказать точно, когда он завершился. Уже в 1921 г. властям пришлось пойти на послабление начатых в 1918 г. радикальных перемен: над кладбищами была частично возвращена опека религиозных сообществ, к которым они раньше принадлежали, более того, началось сотрудничество советских похоронных отделов и религиозных комитетов в этом направлении. В отчете Губисполкома за 1920/1921 хозяйственный год ситуация на кладбищах описывалась так:

По похоронному бюро: приняты на учет все городские кладбища, количеством 21, несмотря на острый недостаток материалов и денежных знаков, проведен самый необходимый ремонт кладбищенских строений и оград. Кладбища, очень заброшенные во время войны, приведены в удовлетворительный вид. Организовано производство гробов, которые отпускаются по себестоимости. В настоящее время по причине полного отсутствия средств, Губкоммуноотдел вошел в соглашение с приходскими советами, которым отпускается необходимый материал для ремонта, а они делают его своими силами [Отчет 1921, 299].

Из отчета 1921/1922 хозяйственного года мы узнаем, что в июне 1922 г. похоронное бюро было выделено в отдельную хозяйственную единицу и в том же месяце (хотя год спустя месяцем перевода уже называли май, а не июнь) похоронное бюро переведено на хозяйственный расчет [Отчет 1922, 365, 369]. Вероятно, эту границу можно считать формальным выходом из кризиса – в основных чертах она совпадает с ситуацией в других городах Советского государства. Похожими же были и методы выхода из кризиса: возвращение части функций по уходу за кладбищами религиозным сообществам и частичное возвращение коммерциализации похоронного дела.

Формально кризис был преодолен, но похоронная сфера так никогда и не возродилась до дореволюционного состояния, оставаясь

¹⁷ ГАВО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 42. Л. 13–14.

дотационной, дефицитной и сохраняя, пусть без предшествующей остроты, многие прежние проблемы: нехватку инвентаря, разграбление кладбищ, проблемы с их администрированием. Постепенно они стали новой нормальностью, стали восприниматься в качестве неотъемлемой части советской похоронной инфраструктуры как маргинального и профанированного сегмента гражданской жизни. Эта новая нормальность очень хорошо слышна в сухих строчках отчета за 1922/1923 хозяйственный год, который уже можно считать не кризисным:

Санитарные предприятия, переведенные на хозяйственный расчет в мае 1922 г., объединяют собой ассенизационный обоз и похоронное бюро со всеми кладбищами города.

Названные предприятия работают без дефицита и требовать от них прибыли, как от тесно соприкасающихся с общественной гигиеной, не приходится.

За отчетный период вывезено нечистот пароконными бочками 6020, одноконными 8984, коек сухого мусора 7093.

Осуществлено похорон 1074 [Отчет 1923, 129].

Конфессиональная специфика. Хотя разруха военных лет и Гражданской войны была общей для всех, вчитываясь в документы, касающиеся протекания похоронного кризиса 1918–1922 гг., мы неизбежно обращаем внимание на то, что конфессиональный фактор играл здесь заметную роль. В ситуации острого кризиса, при дефиците гробов, универсальным для всех становится еврейский способ погребения, где гроб заменен доской и это открыто проговаривается в документах. Обращает на себя внимание и в целом конфессиональное разнообразие витебских некрополей сразу после Октябрьской революции. Кроме православных и еврейских, мы обнаруживаем здесь лютеранские, католические, старообрядческие кладбища. Все они в разной степени подверглись разграблениям, но точную зависимость от конфессиональной принадлежности установить сложно, так как большое значение имели и другие факторы – размер, удаленность от города и мест квартирования войск и т. д.

И всё же при чтении документов обращает на себя внимание то, что еврейские кладбища оказались лучше готовы к кризисной си-

туации. Например, в докладе заведующего Погребального бюро от 10 декабря 1920 г., который посвящен состоянию витебских кладбищ, именно еврейские кладбища служат своего рода основой, а христианские на этот момент только собираются «открыть» после необходимых приготовлений. Все катафалки планируется содержать в одном месте и этим местом являются большие сараи для еврейских катафалков по улице Смоленской. Катафалки христианских кладбищ только надеются разместить там после починки.

В целом в документе постоянно соседствуют «кладбища» и «еврейские кладбища» (последних в Витебске было четыре) и из изложенного мы понимаем, что с первыми ситуация была куда более сложной. Вот характерный пример из того же документа:

В виду того, что кладбища находятся в настоящее время в полуразрушенном состоянии, а потому необходимо в срочном порядке отремонтировать кладбищенские заборы и сторожки, что же касается состояния кладбищенских зданий на городских еврейских кладбищах, то на двух новых необходимо произвести довольно крупный ремонт в срочном порядке, а на 2 старых кладбищах мелкий ремонт¹⁸.

Среди сохранившейся документации встречаются свидетельства и о проблемном состоянии инфраструктуры еврейских кладбищ, но и здесь обращает на себя внимание то, что масштаб проблемы другой и речь явно не идет о «полуразрушенном» состоянии как в вышеприведенном отрывке:

Замечено, что городские еврейские кладбища содержатся в крайне грязном состоянии как-то: покойницкие умывальные комнаты после обмывания покойников не убираются, в углах навален мусор, который также не убирается. Полы, окна и двери не моются. На потолках и печках паутина не снята и т.п. Самые кладбищенские площади также не подметаются¹⁹.

Ясно, что паутина на печках была самой меньшей проблемой того времени и не шла ни в какое сравнение с описанными в доку-

¹⁸ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 85 об.

¹⁹ ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Л. 29.

ментах сторожками с прогнившими крышами на христианских кладбищах.

Можно предполагать (документы не говорят об этом напрямую), что эта разница между православными и еврейскими кладбищами в кризисный период происходила из продолжения работы еврейских погребальных братств как низовых общественных организаций, которые в послереволюционные годы продолжали сохранять свои функции и помогли выйти еврейским кладбищам из тяжелой ситуации с наименьшими потерями. В известном смысле ситуация выравнивается только на выходе из кризиса, когда заметную роль в уходе за православными кладбищами берут на себя приходские комитеты. При этом стоит отметить, что кладбища конфессиональных меньшинств – католиков, старообрядцев и лютеран также, судя по документам, пережили кризис с меньшими потерями, чем православные. Возможно, это также связано с низовыми инициативами верующих и сравнительной компактностью этих некрополей, но прямых свидетельств о причинах этого нет.

Основными причинами похоронного кризиса 1918–1922 гг. в Витебске были последствия Первой мировой и Гражданской войн, рост количества эпидемических заболеваний, прифронтовой характер существования города после Октябрьской революции и не в последнюю очередь декрет Совнаркома «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г., который радикально изменил принципы функционирования похоронной инфраструктуры. Главными проявлениями кризиса были: разлад и упадок похоронной инфраструктуры, грабежи кладбищ, выпас скота на кладбищах, дефицит материалов для проведения похорон, общая бюрократизация похоронного процесса. Ситуацию удалось нормализовать в 1922 г. благодаря введению системы хозрасчета в похоронное дело.

Конфессиональная специфика кризиса проявилась в разной степени остроты его протекания на кладбищах разных конфессий. Наиболее пострадавшими оказались православные кладбища, в то время как на кладбищах христианских меньшинств города – лютеран, старообрядцев и католиков, а также на четырех еврейских кладбищах кризис ощущался в меньшей мере. В последнем случае это, видимо, связано с деятельностью похоронных братств, которые оказались устойчивы к кризисной ситуации. Также выявлен

случай, где в ситуации острого дефицита еврейские погребальные практики были распространены как общегражданские.

Полноценное функционирование похоронной инфраструктуры так до конца и не восстановилось после Октябрьской революции; после 1920-х гг. ряд элементов погребальной культуры времен Российской империи (таких, как использование катафалков) окончательно пришли в упадок и исчезли; разграбление дореволюционных захоронений продолжилось с санкции государства. Реформа 1918 г. и дальнейший кризис похоронной сферы стали важнейшими факторами секуляризации и десакрализации похоронной сферы, особенно в городах. Заложенные в 1918–1922 гг. подходы к администрированию кладбищ привели к разрушению их исторических частей и уничтожению ряда старых некрополей Витебска в межвоенное и послевоенное время.

Литература и источники

- Аўсейчык 2016 – *Аўсейчык У. Я.* Пахавальная абраднасць беларусаў // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. / А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. Т. 3. Кн. 2. Мінск: Беларус. навука, 2016. С. 445–459.
- Белова 2024 – *Белова О. В.* Поверх барьеров: преодоление ментальных и социальных стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920–1930-е гг. // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2024: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции. С. 490–535. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.24
- ГАВО – Государственный архив Витебской области.
- ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 17. Инструкция НКВД местным совдепам о порядке осуществления декрета СНК о похоронах и кладбищах. Протоколы заседаний работников похоронного стола при отделе благоустройства за 1918–1921 гг.
- ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 241. Приемно-сдаточные акты имущества кладбищ и других коммунальных предприятий. 1921 г.
- ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 279. Списки рабочих и служащих ассенизационного обоза, похоронного отделения на получение мануфактуры. 1921 г.
- ГАВО. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 42. Дело о закрытии Витебского Михайловского кладбища для расширения путей Витебского железнодорожного узла. 1929 г.

- Грунтов 2016 – *Грунтоў С. З’яўленне могілак. Рэформа месцаў пахавання на беларускіх землях канца XVIII – пачатку XIX ст. у антрапалагічнай перспектыве* // *Номо Historicus* 2016. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. А. Смаленчука. Вільня: Беларускі калегіум, 2016. С. 45–56.
- Грунтов 2019 – *Грунтов С. В. Символика дерева в христианских и еврейских надгробиях Беларуси XIX–XX вв.* // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия*. 2019: Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции. С. 169–187. DOI: 10.31168/2658-3356.2019.11
- Декрет 1942 – Декрет Совнаркома «О кладбищах и похоронах». 7 декабря 1918 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. № 90, ст. 921. С. 1275–1276.
- Мальшева 2019 – *Мальшева С. Ю.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый хронограф, 2019. 464 с.
- Мохов 2018 – *Мохов С. В.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 328 с.
- Отчет 1921 – Отчет Витебского Губернского Исполнительного Комитета к IX Съезду Советов за время с 1 декабря 1920 г. по 1 октября 1921 г. Витебск: Государственное издательство, 1921. 371 с.
- Отчет 1922 – Отчет Витебского Губернского Исполнительного Комитета к X Съезду Советов за время с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. Витебск: 1-я тип. Витполиграфпрома, 1922. 677 с.
- Отчет 1923 – Отчет Витебского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов к XI Съезду Советов за время с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. Витебск, 1923. 253 с.
- Пахаванні 1986 – Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / [рэд. кал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш.; Укладанне тэкстаў, уступ. артыкул і камент. У. А. Васілевіча; Артыкул, сістэматызацыя і камент. напеваў Т. Б. Варфаламеевай]. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 613 с.
- Соколова 2022 – *Соколова А.* Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 456 с.

“All the Hearses Are Completely Broken”: The Funeral Crisis of 1918–1922 in Vitebsk and its Confessional Aspects

Siarhei Hrun tou

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PhD in History, Senior Researcher

ORCID ID: 0000-0001-5316-1180

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches, National Academy of Sciences of Belarus

220072, Belarus, Minsk, Sorganova str., 1/2, off. 601

E-mail: szerezew@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.14

Abstract. The funeral crisis of the first years of Soviet state is well described in modern historiography; however, no works on how it developed in Belarus have been published to date. The article traces how the funeral crisis unfolded in Vitebsk between 1918 and 1922. The reasons that led to it, the main forms and manifestations, as well as the consequences for the development of the Soviet funeral infrastructure are highlighted.

A comparison with research materials from other cities of the Soviet state allows us to assume that the case of Vitebsk is representative of all large cities of Soviet Belarus. The primary sources for this article are documents held in the State Archives of the Vitebsk Region.

The article is an important addition to our knowledge of the formation of early Soviet memorial practices in Belarus in the 1920s. The confessional specificity of the crisis is examined separately, primarily through a comparison of the situations in the city's Orthodox and Jewish necropolises. The actions that made it possible to overcome the crisis in 1922–1923 are analyzed as well as its negative consequences for the funeral business and the development of city cemeteries in Vitebsk.

Key words: *Jewish cemetery, Christian cemetery, funeral, memorial, hearse, crisis, Vitebsk*

Reference for citation: Hrun tou, S. V., 2025, “Vse katafalki sovershenno isporcheny”: pokhoronnyi krizis 1918–1922 godov v Vitebske i ego konfessional'naiia spetsifika [“All the Hearses Are Completely Broken”: The Funeral Crisis of 1918–1922 in Vitebsk and its Confessional Aspects]. *Kul'tura Slavan i*

Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 267–286. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.14

References

- Aŭsiejčyk, U. Y., 2016, Pachavaŭnaja abrađnasć bielarusau [Funeral Rites of Belarusians]. *Narysy historyi kultury Bielarusi* [Essays on the History of Culture of Belarus]. In 4 vols., ed. A. I. Lakotka, 445–459, Minsk, Belarus. navuka, vol. 3, book 2, 751.
- Belova, O. V., 2024, Poverkh bar'eroŭ: preodolenie mental'nykh i sotsial'nykh stereotipov v polikul'turnoi srede Zapadnoi oblasti i sosednikh regionov v 1920–1930-e gg. [Over the Barriers: Overcoming Mental and Social Stereotypes in the Multicultural Environment of the Western Region and Neighboring Regions in the 1920s – 1930s]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 490–535. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.24
- Hruntoŭ, S., 2016, Zjaŭliennie mohilak. Reforma miescaŭ pachavannia na bielaruskich ziemliach kanca 18 – pačatku 19 st. u antropalahičnaj pierspiektyvie [The Emergence of Cemeteries. Reform of Burial Grounds in the Belarusian Lands in the Late 18th – early 19th centuries in an Anthropological Perspective]. *HOMO HISTORICUS 2016. The Annual of Anthropological History*, ed. by A. Smalianchuk, 45–56.
- Hruntov, S. V., 2019, Simvolika dereva v khristianskikh i yevreyskikh nadgrobiyakh Bielarusi XIX–XX vv. [Tree Symbolism in the Christian and Jewish Tombstones of Belarus of the 19th–20th Centuries]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 169–187. DOI: 10.31168/2658-3356.2019.11
- Malysheva, S. Yu., 2019, “Na miru krasna”: instrumentalizatsiya smerti v Sovetskoy Rossii [Instrumentalization of Death in Soviet Russia]. Moscow, Novyi khronograf, 464.
- Mokhov, S. V., 2018, *Rozhdeniye i smert' pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [Birth and Death of the Funeral Industry: from Medieval Cemeteries to Digital Immortality]. Moscow, Common place, 328.
- Fiadosik, A. S., ed., 1986, *Pachavanni. Paminki. Halašenni* [Funerals. Commemorations. Mourning cries], Minsk, Navuka i tehnika, 613.
- Sokolova, A., 2022, *Novomu cheloveku – novaya smert'? Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR* [A New Death for a Dew Person? Funeral Culture of the Early USSR]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 456.